

Один на один

В. СУХАРЕВИЧ

ЗРИТЕЛИ эстрадных представлений наименее вежливые. Если на подмостки вышел актер, встал со зрителями один на один и ничем их не поразил, в зале звучат жидкие хлопки — обидные, как пощечины. И не на кого актеру свалить свою неудачу, в ней виноват он сам.

Высшее мастерство эстрады требует блистательных достижений во всем — в эмоциональной полноте звучащего слова, в музыкальности пения, в спортивном трюке. Успех приносит органичность и сила таланта. А если его нет, не помогут актеру ни музыка, ни свет, ни пышные одежды, ни советы самого мудрого режиссера.

Сейчас, когда на летние эстрады вышли тысячи актеров и музыкантов, по заведенной историей традиции в газетах появились статьи об отставании эстрадного искусства. Написаны они с обидной снисходительностью — легкий жанр критиковать нетрудно. Зрители плохо принимают некоторые спектакли, рецензенты гневаются, а надо бы спокойно разобраться, в чем достижения, а в чем ошибки и неудачи начала сезона, и судить о них по законам, которые рождены самой поэтикой этого труднейшего жанра.

ОБЛОЖКА красочной программы Театра эстрады сообщает: «Сегодня в нашем театре водевиль-шутка в 2-х действиях В. Коростылева «Переодетый жених или... необычайное приключение», происшедшее с...» И только на второй странице объясняется, что приключение произошло с прославленными, известными и с совсем юными артистами, решившими сыграть водевиль в постановке Б. Аврашова.

Искренние друзья театра очень этому обрадовались. В самом деле, годами зывали деятели эстрады: «Дайте нам театр!». Но после того как он открылся, за долгие годы никаких осо-

бенных происшествий в нем не наблюдалось. Все те же лица, те же номера видели мы здесь. Менялись только названия спектаклей и конферансье. Они обозначались на афише красной строкой, на сцене почти непрерывно шел конферанс — иногда ведущие выступали трио, а то и квартетами. Вести, собственно, было нечего — отдельные номера с трудом прорывались между интермедиями. Талантливым конферансье приходилось не столько вести представление, сколько отводить глаза зрителям, потому что номеров — новых, веселых, оригинальных — на эстраде становится все меньше. Только в последнее время, после Всесоюзного конкурса исполнителей, на эстраду пришло пополнение. И, пожалуй, давно уже пора собрать всех сразу новых лауреатов и показать — вот она, наша молодость, наше будущее!

Но сезон в Москве открыли известные, зрелые мастера. Именно они подготовили водевиль «Переодетый жених» в Театре эстрады. Это пышное и блестящее зрелище, по временам очень веселое. Но тщетно старался я сразу же после спектакля припомнить, с чего он начался. Кажется, вначале на просцениум выходят водевильные персонажи прошлого, что-то поют и вдруг замечают, что зрители в зале не те. Минута растерянности. И тогда А. Алексеев, чудесно играющий роль «зрителя из прошлого века, строгого блюстителя водевильных традиций», советует актерам, не нарушая обычаев, сыграть старый водевиль с новыми героями. Актеры немножко переодеваются — и сразу на сцене появляется... коммунальная кухня. Именно отсюда и совершают водевильные персонажи путешествие в современность.

Видимо, водевилю было решено придать темп и стремительность нашей

жизни. Поэтому все здесь почти непрерывно бегут и спешат: теща Аглая Николаевна (М. Миронова), ее супруг Нелюдим Кузьмич (Л. Милов), старшина милиции Иван Иванович по фамилии Теща (А. Менакер), тренер спортивного общества «Рапира» Инна Бегалова (Э. Некрасова) и студент-дипломник Виктор Семечкин (В. Васильев). Вначале кажется, что прогресс водевильного искусства налицо: прежде его отличала стремительность действия, теперь она перешла в бег, раньше в водевилях была одна теща, теперь стало две. Но чем дальше идет этот бег, тем яснее становится, что победителей в нем определить будет трудно.

Попытаемся серьезно разобраться в недостатках водевиля-шутки. Его разыгрывали не актеры театра, а мастера эстрады. А они, как известно, привыкли общаться со зрителем непосредственно, выступать один на один. И вот любой монолог Мироновой — чудесный, веселый и смешной эстрадный номер, но выпадающий из общего строя спектакля. Встал у плиты Милов, чтобы выварить в своем супе курицу со селди, — и мы увидели хама и обывателя Нелюдима Кузьмича во весь его карликовый рост. Но Милов хочет быть Миловым, хочет насладиться успехом, завоеванным великолепной маской, найденной раньше. И вот в водевиль введен М. Новицкий. От времени до времени Милов снимает грим Нелюдима и разыгрывает интермедии со своим обычным партнером на эстраде, который хочет увести его на очередной концерт. Так происходит это представление: эстрада тянет актеров к себе, а водевиль — в свою сторону, а в итоге получается и не эстрада, и не водевиль.

Говоря т, краткость — сестра таланта, и, стало быть, длинноты для него — злая мачеха. Театр эстрады, давно ничем не отличавшийся, видимо, решил в одном спектакле дать как можно больше блеска. И вот

мы видим, как по ходу действия, затаивая, а вернее, разрывая его, идет балет, выступают акробаты, гимнастки, замечательные велофигуристы В. и Л. Васильевы и Г. Лукин, жонглер И. Кожевников. Пока мы наслаждаемся этими зрелищами, как-то невольно забывается представление, — кто за кем, куда и зачем бежит по сюжету водевиля. Блеска много, а смысл улавливается с трудом.

А ведь смысл и даже идея — злое обличение приживалов чужого успеха, — безусловно, есть в произведении молодого, талантливого драматурга В. Коростылева, работающего в редком и очень любимом зрителями жанре.

Можно ли безоговорочно осудить этот спектакль? Ни в коем случае! Он — доказательство исканий, это — попытка открыть новые пути эстрадного представления. В нем Театр эстрады предстал не только прокатной площадкой готовых номеров, но и творческим коллективом, который пытается сказать свое новое слово, пусть даже с оглядкой на старое и привычное. За всем этим — большая и серьезная работа, заслуживающая всяческого уважения, но сказать о недостатках спектакля нужно, с тем чтобы они не повторялись.

ЭТО ОТНЮДЬ не означает, что нельзя повторять хорошее. Если говорить честно, то наибольшую радость зрителям в выступлении эстрадного оркестра под руководством Л. Утесова в Эрмитаже доставляет сам Утесов, исполняющий свои старые песни. В чем «секрет» их неувыдающего обаяния? В особой задушевности и теплоте исполнения, где достигнуто редкое слияние слова, музыки, актерской игры. Для Утесова каждая песня — монолог, в котором прежде всего донесен драматический смысл, атмосфера музыкальной сценки, полной действия, смены чувств и переживаний.

«Песня — наш спутник» — это не только декларативное название программы. Этот девиз подтверждают песни — воспоминания о прошлом — лирические, патетические и юмористические. Дважды Утесов поет своеобразные музыкальные композиции, составленные из чудесных песен, которые мы давно запомнили с его голоса. И все же, как ни хорош старый репертуар Утесова, мы ждем новых песен. А их

мало, да и те, что звучат с эстрады, кажутся не эстрадными, хотя бы потому, что не в полную силу доходят до зрителей.

Вот перед нами певица Александра Коваленко. Песни поет она разные: лирические и юмористические. Но почему они так однообразны? Почему с такой торопливой старательностью следует актриса за музыкой, без нюансов, без ритмической свободы, без пауз, которые тоже музыка? Почему обладательница чудесного голоса О. Тезелашвили, добросовестно и легко выпевая каждую ноту, не умеет достичь эмоциональной окраски слова, не доносит его смысла, чувств, им выраженных? Ведь, казалось бы, перед нами живой образец — сам Утесов, умеющий придать песне живое разнообразие звучаний: он то разговаривает под музыку, то всецело захвачен ее ритмом, то оборвет его, чтобы подчеркнуть самое главное. Ведь песне во вред и легковесная торопливость, и строгая академическая тяжеловесность — песня с эстрады должна выражать все переливы ярких человеческих чувств.

Почти такой же упрек можно адресовать и В. Людвиковскому: его музыка недоходчива, видимо, потому, что лишена изобретательности, юмора, лирического тепла. А может быть, дело композитора Людвиковского портит Людвиковский-дирижер? Он явно пассивен, ему не хватает темперамента, чтобы повести за собой оркестр. А ведь как преобразуется оркестр, когда на эстраду выходит Утесов! Значит, есть у кого поучиться молодому поколению оркестра. Почему же оно не пользуется этой возможностью?

КРИТИКАМ Ленинградского эстрадного оркестра под руководством А. Блехмана, выступившего в Москве, в Саду имени Баумана, надо было по-честному поставить вопрос о праве этого актера весь вечер выступать один на один со зрителем.

Исполнители этого коллектива понимают законы эстрады, знают, что главное здесь — удивить зрителя, и даже их программа названа «Чем вас удивить?». Но вся беда в том, что удивить нас решил прежде всего сам Блехман. Он почти все вечер на эстраде поет, танцует, разыгрывает различные

интермедии, исполняет целые музыкальные обозрения. А вы все время испытываете такое чувство, что ему чего-то недостает. И это «чего-то» — вкус. Вот идет музыкальное обозрение «На крыльях песни». Боевые революционные марши то и дело прерываются куплетами эпизодов, сомнительными романсами. Такое очень распространенное и примитивное сопоставление двух миров в песнях невольно воспринимается как пародия на эстрадных халтурщиков. А ведь Блехман делает это всерьез. И сколько вы ни ждете, что главный солист исполнит, наконец, главный номер своей программы, — ни одного музыкального, вокального или разговорного произведения, крепко, по-эстраднему сделанного, в программе нет. Даже выступление очень талантливой певицы И. Алексеевой, исполняющей действительно лирические и по-настоящему шуточные песенки, теряется из-за постановочных причуд и плохого аккомпанемента оркестра.

НЕУДАЧНОЕ начало нового сезона может вызвать много горестных мыслей. А мне бы хотелось снова и снова повторить одну: на эстраде мало новых номеров. Почти каждый день вступают в строй новые парки, сады, дворцы культуры, клубы. Тысячи талантливых людей заняты в художественной самодеятельности, готовятся в театральных институтах и консерваториях. Есть, стало быть, у нас и широкие возможности, и силы для расцвета эстрадного искусства. Дело, очевидно, заключается в том, чтобы научить актеров самых различных дарований выступать на эстраде по-эстраднему, то есть с таким блеском, профессиональным совершенством и выразительностью, когда не страшно выходить к требовательному советскому зрителю один на один.

Л. Милов

Л. Утесов

Дружеские шаржи
И. ИГИНА

М. Миронова